

II

Глава Вторая

2

III

О духовности религиозного опыта.

Глава ВтораяО духовности религиозного опыта.

1.

Человѣкъ есть по ~~своему~~ существу своему живой, мысленный духъ; и религиозность есть состояние духовное.

~~Человѣкъ~~ ^{самъ} есть мысленный духъ. Напрасно онъ ^{самъ} ~~станъ~~ ^{бы} опредѣлять себя, какъ „это мысло“, или какъ „это живое мысло“, или хотя ^{бы} какъ „это одушевленное мысло“. Онъ скоро ~~явно~~ ^{уже} уѣдѣвшись въ то, что онъ ~~имѣетъ~~ ^{не} ~~никакого~~ ^{ничего} обозначаетъ и не постигаетъ своего чуждого естества, того ^{въ немъ испытывая} ~~самого~~ ^{которое} ~~явно~~ ^{любимъ}, указать и постигнуть ^(самого) себя. Человѣку суждено искать себя не среди вещей и объектов, о которыхъ онъ мыслитъ, а въ той „субъектной“ глубинѣ, которая спрашивается, испытывается, познается, мыслится, всоображается и существуетъ. И въ этой „субъектной“ глубинѣ своей человѣкъ есть живой, мысленный духъ.

На прямой, научный вопросъ, что такое есть „человѣчскій духъ“ можно дать много ответовъ: они все будутъ верны въ своей указующей и описывающей силѣ, но они станутъ убѣдительно ^{мы} только для того, кто покрепитъ

напрямую
фактически
правъ

Азач

→ Это, свиду, самоочевидное и бесспорное утверждение на самом деле
нуждается в раскрытии и углублении, может быть даже — в доказа-
тельстве, потому что в действительности ~~жизни~~ ^{очень часто} люди не понимают
его сущности и сути и ~~не~~ не понимают быть "реинкарнации" вна-
духа и духовности. **А** это ведет к ~~различным последствиям~~ послед-
ствиям и опасностям.

years

Ученокъ, знающій свое предстаніе, свое достоинство и своего отвѣт-

→
(абзац) Итак, это ~~также~~^{есть} "дух"?

(абзац) ~~А~~

→
, — но не в смысле инстинктивной центроустойчивости животного существа и не

~~мысль~~

Всепомощь несетъ въ себѣ живую волю къ Совершенству. Поэтому духъ можно было бы опредѣлить какъ волю къ Совершенству ^{а также къ совершенствованию} въ самомъ себѣ, въ своихъ стремленіяхъ и во вѣчныхъ ^{цѣляхъ}. Эта воля предполагаетъ способность узнавать ~~лучшее~~ лучшее, отличать худшее и дурное, видѣть Совершенное и принимать его. Поэтому ^{духъ} есть даръ откровенности.

Второе отношеніе къ Совершенному есть отношеніе ~~примиренія~~ любви и сиренія. Поэтому духъ можно было бы описать, какъ способность къ безкорыстной любви и ^{къ} самоотверженному сиренію.

Все эти дары даютъ человеку способность вѣрно управлять собою и ^{стро}ить свою жизнь. Поэтому духъ есть сила личной самоуправленія и ~~высш~~ высшее проявленіе ея является духовный характеръ человека.

Вотъ почему правы тѣ, которые связываютъ духъ съ идеей свободы. Духъ есть даръ свободы, данный ^{каждому} человеку въ зачаткѣ отъ самой природы; въ то же время онъ есть живая сила самосвободенія и въ законотворческой стадіи (вторично — посмертной) — полнота личной свободы.

Послѣ всего этого будетъ понятно, если мы ^{опредѣлимъ} ~~мы~~ ^{мы} духъ, какъ „потребность священнаго“ и какъ „радость вѣчнаго раба“; если мы опишемъ

как "историзованное художественное искусство",

ею как "даръ молитвы" и как "силу поощаю сердца"; если мы обозначимъ ея какъ "жизнѣе совѣсти и правосознанія", какъ "источникъ истиннаго патриотизма и маэюмаша", какъ "живую основу здоровой ~~и здоровой~~ государственности и великой культуры... — все

Въ действительности духъ есть ^(неодолимо духовно прозрѣть) это ~~то~~ сразу. Но ~~то~~ это надо непременно испытать и ^{испытать} ~~увидѣть~~ ^{самому}; Силою не можетъ осмыслить и принять учене о живости. Теорія музыкальной эстетики не дастъ ничего живому. Само-вѣкъ, не живущій духомъ и не совершающій изъ него ^{сверженъ} ~~ничего~~ все эти описанія, какъ "отвлеченныя", "произвольныя" и "неясныя". Въ действительности же они ясны, точны, предметны и конкретно-жизненны. Развернуть и обосновать ихъ можно только въ свободной философіи духа и характера ^{"или"} въ чуждой родъ ~~то~~ ^{же} ~~соинений~~ ^{все} ~~Въ~~ ^{дается} ~~настоящемъ~~ ^{какъ} ~~исследованияхъ~~ ^{только} ~~это~~ ^{указаніе} на то родовое знаніе, въ которомъ можно и реально искать и найти подлинный религиозный опытъ. Это есть какъ бы "ликій", охватывающій ^{наши} ~~исследования~~ ^{предметы} ~~предметы~~ ^{ибо религія есть опытъ духа и религиозный опытъ есть сестреніе духовное}. Попытаемся проследить эту "ликую" внимательно и детально.

Въ нихъ заложено чуждое и стройное міросозерцаніе.

Ссылка
на свои
книжки

Габри

и прежде всего — опасности внутреннего
размуждательства и безответности.

Мать, кто ^{добивается} ~~тут~~ религиозного опыта, — не на словах, а на деле, не для
игры во „запретное“ и „наказуемое“, а во всей его предметности, строгости и, мо-
жет быть, страстности, — кто должен больше всего опасаться подмены его вещей,
это есть поддельная, фальшивая, искажающая и снимающая. Все это грозит
человечку особенно во сферах религии и искусства, т.е. во тех областях, где
главными органами являются чувство и созерцание, и где поэтому присвоение
и ощущение необходимы на каждом шагу. Однако во искусстве присвоение
подкупает ^{самой до известной степени ~~чуждым~~ ~~чуждым~~} естественным „интересом“, из которого оно творится: эстетиче-
ская материя идеет свои, внутренние скрытые в ней законы, с кото-
рыми необходимо считаться. ^{(Эти законы ответственной дисциплины} Во религии же ~~они~~ ^{нельзя}. Во религии внутренний
мир человека стремится „отвязать“ свое чувство и свое созерцание от внешнего
мира и его закономерностей, для того, чтобы свободно видеть и чувствовать
иное, реальнейшее и лучшее. И эта „отвязанность“ несет с собою ^{иногда} ~~опасные~~
опасные возможности и уклонения; ^{а также} ~~иногда~~ именно поэтому в борьбе за подлинный
религиозный опыт необходимо присвоение и ощущение; ~~и, наоборот, великое~~

Связь
повиновы
Старца

чувство ответственности и дисциплинированная сила суждений. Помимо, это
ведомство знаний будут располагать только исключительной натурой и это миссия
людей, не располагающих этими умениями и силами, будет легко становиться
жертвой непрелой фактатии и не осущенного чувства. Вот откуда в истории ре-
лигии такое обилие мнимых откровений, фальшивых учений, вымышленных обрядов и
всевозможных извращений. История человеческой религиозности есть по сути
история человеческих блужданий и падений.

Для того, что ^{бы} предостеречь себя от ^{всего} этого, необходимо помнить, что религиоз-
ный опыт отъ духа (это религиозное содержание есть духовное содержание). Это
~~значит, что весь основанный определяемый духовности базируется на представ-~~
~~лении и осуществлении в религиозном опыте.~~ Бездуховная ^{или "реалист"} ~~религиозность~~ есть
или миссионерская "возможность", или траншеевое недоразумение, или же соб-
лазнительное извращение. Противодуховная "религия" есть сильная одержанность,
а может быть и сущий сатанизм. Исследовать сущность и строение религи-
озного опыта означает вскрыть основные условия, формы и законы подлинной
религиозности; но это означает также коснуться целого ряда религие-образных
уклонений и соблазнов. Не все, находящееся в просторечии и даже в литературе

Кривизна
Сущности

рв "религиозностью" и "религией" есть в самом деле "религиозность" и "рели-
 зия"; ^{не все} (Заслуживает этого наименования; и надо прямо установить, что религи-
 озная была бы в бытии посыл ~~универсальной~~, если бы существовало нечто
 для ^{интерес} религие-образных уклонов, соблагов и извращений определенным критерий,
 иное понятие и иной, особый термин.

Итак, религия есть дух и религиозный опыт есть духовное состояние.
 Поэтому все, что сказано о духе и духовности является определяющим для рели-
 гиозного опыта.

Религия есть ^{самое} главное в жизни ^{встречаю} (и религиозному опыту принадлежит глав-
ное значение и главное место во душе человека. Потому, где религия является
 делом "случайного интереса", "моды", "самоулюбленности", или же ^{вещью} (проблем-
 ской) развлечения, или, еще хуже, ^{делом} практической разврата и спекуляции, или же,
 самое худшее, делом похоти и слабострастности, — ввиду она низводится и свле-
 кается, она теряет свой духовный ранг и перестает быть религией. Глав-
 ное есть чуждее, важное, много благо, критерий решений, движущая
 сила личной жизни. "Самое главное" есть все-определяющее и все-превосходя-
 щее. Путь к этому мота для "случайного интереса". Побуждений "моды" здесь

II

мертвы и безразличны.

~~Богословие~~. "Самое увеселение" ~~является~~ ^{прямо указывает} на отсутствие действительной
 религиозности. Вот почему "спиритизм" никогда не был религией и богишмизма си-
 ритовъ, а "религиозные журналы" никогда не создавали ничего кроме пошлости. Берд.
 Религией нельзя развлекаться; она не может быть предметом любопытства, этого по-
 верхностного замедления безразличности, но жаждущим ~~развлекаться~~ ^{развлекать} маломъ души.
 Все эти современные игры въ "тайну" и "манифесты"; все это ~~такая~~ ^{такая} обостренная
~~и~~ ^и интересъ къ жуткимъ рассказамъ о привидѣніяхъ, къ темамъ Эдгара По
 къ ~~"мистике"~~ ^{къ "мистике"} къ "магии", ~~къ "волшебству"~~ ^{къ "волшебству"} къ "серной кислотѣ": все эти ^{одичавшей} ~~политики~~
 "организовывать чудеса", "вымакивать выговоры", ~~поддерживать~~ ^{устраивать} демоническую
 или проведомственную помощь въ исполненіе "уверныхъ кансктивныхъ молитвъ",
 и такъ далее, и тому подобное, — все это попытки поддѣлать утраченную
религию, злоупотребить ея священными развалинами, воспользоваться ея
зеренками и обойтись безъ кед. Люди творятъ фальсификацію, обманываютъ
 то себя, то другихъ, а можетъ быть — и себя, и другихъ, и не стыдятся этого. И
 это отсутствие стыда въ отношеніи со священнымъ, роднитъ ихъ странникамъ и
 страшнымъ сортамъ съ теми, которые, подобно "амабриканцамъ" и хвостамъ
 превращаютъ религиозность въ сластоустройство и принимаютъ оргастическій подвѣсъ

За духовный. Современная „листика“ со ее бесчисленными блужданиями, эстетическим рецепуляризм и эротическим кокетством с самого начала была сродни хлыстовству всех времен и народов.

Религиозный опыт начинается с возврата обратным своей собственной духовности, своей ~~личной~~ лично-духовной самосущности во ее предстоянии и достоинстве. Сущность религиозного опыта состоит в обращении к Богу; но именно обращение к Богу есть исповедь духа. Обращаясь к Богу, человек испытывает себя, „предстоящий“ и душа его ощущает требет и благоговение. Благоговение есть проявление духовности, дар духа и признак духа. Человеку естественно испытывать сокровенный требет, обращаясь к Богу и этот требет свидетельствует о его духовности. Человек, не знающий этого, лишен духа. Он никогда не поймет того первичного явления религиозности, в силу которого душа человека, обращаясь к Богу, испытывает свое недостойство и именно этим испытанием своего недостойства — утверждает свое духовное достоинство. Это не игра словами и не паравокс. Человек есть дух именно постольку, поскольку во нем родилась и живет жизнь свидетельства, т.е. жизнь непрерываемо-цельная и таинственно-высшая; перед

Этими Священными думами естественно ощутить свое недостойство; ~~но именно~~
это ощущение открывает ей горизонты вверх и вглубь, выводит ее
из пошлого измерения жизни и утверждает ее духовное достоинство.

Настоящая религиозность предполагает в человеке (или, соответствующе
соотвечает ему) чувство предания, трепета, благоговения, и собственная ~~не~~ ^{недовольства}
~~свобода~~. Откуда в нем возникает чувство рам. Чувство рам вхопит в
себя всю сущность религиозного ^{акта} ~~жизни~~. Человек лишенный этого чувства не может
~~быть~~ ^{чужаком и его} ~~иметь~~ религию. Влечение к этому чувству ~~приводит~~ в се-
любство ~~(религиозное)~~; и религия уясняет себя в тот миг, когда
последний человек возстанет на идею священного и на идею рам. Напро-
тив: испытав свое недостойство и приняв идею рам, человек утвержда-
ет свою духовность и научается радоваться внутри постигнутому раму. В 18-19 вв.
люди ~~впервые~~ ^{сделали} личное открытие, будто идея рам имеет
человеческую свободу и должна ею работать; они повторили во это и постольку
потаски свою духовность, заменив ее „свободной“ ^{т.е. безличностной} ~~универсальностью~~ и бес-
рамностью, а потому и безрелигиозным созерцанием мира. мудро и
прозорливо писал об этом Платон Каренин. Но с тех пор уже

процессъ нашъ все дальше и дальше; и нымъ въ мѣрѣ есть множество мо-
дей ^{Совѣтъ} утраченныхъ духовности и непосредныхъ къ религиозному опыту.

[3.]

Изъ связи съ этимъ въ человековѣ колеблется и чувство ответственности.
Это чувство есть вторичный приманъ духовности. Человѣкъ, утѣвляющій пренетно
и благоговѣйно предстоитъ, сумѣвшій утвердить свое духовное достоинство
черезъ жажду священнаго и познавшій радость вторнаго рама, уже научился
чувству ответственности и вступилъ въ сферу религіознаго опыта, совер-
шенно независимо отъ того, принималъ онъ какой нибудь догматъ ^{или} остался
съ протянутой и не награжденной рукой. —

Всѣхъ и совъ +
предложени
= модель
=

Поэтому чувству рама — чувство ответственности принадлежитъ къ первичнымъ,
аксиоматическимъ проявленіямъ духовности и религиозности. Духъ есть творческая
энергія: ему естественно вмѣнять себѣ совершаемое и отвѣчать за совершонное.
Религиозно-предстоящій человекъ ~~мысли~~ сознаетъ въ себѣ эту ^{духовную} ~~творческую~~ энергію
и чувствуетъ ее связь съ высшимъ, ~~или~~ священнымъ планомъ бытія. Вступ-
леніе въ этотъ планъ, ведущее къ нему и къ его реальности, ~~или~~ острѣ-
ннѣ въ человекѣ пренетное чувство своего достоинства — достоинства и выш-
ваго въ его душѣ по благоговѣйное ^{остроумно-свѣдѣтельное} ~~приниманіе~~, о которомъ когда то съ такою

применительно к религии)

Цицерон

мудрой ясностью писал Цицерон? Приобщаясь Высшему, человек испытывает повышенное чувство ответственности. Именно поэтому религиозность всегда была настоящим источником много духовного ~~состояния~~ и самоуглубления, без которого на земле невозможно никакое ~~это~~, никакая культура и никакое государство.

~~Именно так~~ без чувства ответственности невозможно и самый религиозный опыт. Вступая в сферу Божественного, человеку естественно собирать свои силы ^и критически относиться к своим слабостям, неумениям и неспособностям: он становится ~~более~~ благоговейным, а потому осторожным и скромным; он ^{и.е. ближе до реальности} боится не увидеть, не постигнуть, стать полнотой, искаженным. Он выскапывает с собою, постигает своего малость и величие своего Предмета; и все это выражается в повышенном чувстве ответственности.

Бесответственность поствидна и отвратительна во всех областях духа.

1) Поскольку слово "телегно" происходит отъ "телегно" оно выражает: совестиливое, благолюбивое, осторожное, божие, чужие, безвольное совести, ^{и.е. чувство ответственности} и ^{и.е. чувство ответственности} — богопочтение, богоуважение, религиозно, востор (см. ^{нб.р.} Липинский словарь издаваемый Н. М. Леоновым. II. 1883, где приведены соотв. цитаты).

Неприменён безответственный ученый: он является либо болтуном или порочным истинным. Преступен безответственный воспитатель. Малок и ядовит безответственный художник. Безответственный политик должен понести наказание. Но безответственный в области религии, где люди не мыслят в сущности говоря никаких противных критериев, и где ^{глубокое} (благоговение должно было бы вечно иметь заботу о трезвении и осущении, является зрехом непростительным, зрехом "против духа". Мирные ^{беспорочные} фраттеры и болтуны не приносят такого вреда, как в религии: здесь они копируют не столько себя самих, сколько ту сферу духа, в которой они якобы пребывают и из которой возвышают свои ложные "откровения". Безответственный ученый будет ~~разоблачен~~ опровергнут; безответственный воспитатель — разоблачен; безответственный художник — раскритикован; безответственный политик — осужден и может быть казнен или изгнан. Но безответственный лексиколог, создавший себе одиозную систему преподавателей, может цинично свой духовный яд до конца дней, подражая авторитету религии и доверие к верою.

Циничен-
дорфа
идр.

Может, кто ищет религиозного опыта нуждается в изысканиях и закаленном чувстве ответственности, потому что он вступает в ту

сферу, где обитает и обрывается само Совершенство. Вода к Совершенству
 есть основная сила духа и основное подтверждение всякой ^{истинной} ~~субъективной~~ реальности
сти. Человек, принципиально отрицающий возможность отнестись ~~к~~ "добро" от
 "зла", объективно-лучше от объективно-худше — заражается собой всякий
 доступ к духу, к духовной культуре, к философии и к религиозному опыту.
 Если же "условно" и "относительно", если всякая истина зависит от "субъек-
 тивных признаков" и человек живет только с противосто-ящими
 "содержаниями суждений"; если реальное не может ^{продолжать} ~~быть~~ Совершенству, а Совер-
 шенное не реально и не может реализоваться; если человеку Совершенство вообще
 недоступно, — тогда дух и духовная культура суть пустые представления, тогда
 Бога нет и религиозный опыт невозможен. Религиозный опыт есть ~~интер~~ ^{опыт}
Совершенство, приобретаемый на путях ^{содержащих} ~~идеальных~~ созерцаний. Обращение к
 нему есть уже начало молитвенного зова или молитвы.

реальна-
вещно-
относитель-
ность

=

Человек, воодушевленный волею к Совершенству, — завел его; и этот
 зов есть уже молитва. Человек, предположивший Свидетельство с предметом и без-
 говождением — находится в составной молитве, ^{там же} и тогда, когда ^(он сам) ~~он~~ не знает,
 кому и чему он молится, и когда он ни о чем не просит и не просит —

силъ никакихъ силъ. Сердце его поетъ, а поющее сердце человека имѣетъ особенную
 силу ("особое вдохновеніе: оно само есть одна изъ главныхъ и драматиче-
 скихъ реальностей міроздачъ). Вотъ почему духъ можетъ быть обозначенъ,
 какъ "даръ молитвы" и какъ "сила поющего сердца". И вотъ почему насто-
 ящій религиозный опытъ открывається, дается и предъивляется на духовномъ
 уровнѣ: онъ какъ бы, выражается на языкѣ "молитвы и поющего сердца".
 Религиозность, не достигающая этого уровня, есть только зачатокъ. Рели-
 гозность, переносившая этотъ уровень, иссякаетъ и прекращается.

Сила поющего сердца объясняется составленіемъ душевно-духовной кон-
центраціи и легкой, творческой, ~~творческой и творческой~~ текучести чувства (вдохновенія).
Средоточеніе силъ и состояніе вдохновенія отверзаютъ человеку его духов-
 ное око и даютъ ему способное ~~видѣ~~ върно видѣть Священное и
 подлинно созерцать, узнавать Совершенство. Отсюда — религиозная осведо-
 мость, этотъ лучший и необманиваемый источникъ истины. ~~Вниманіе~~ ^{воодуше} безъ
 осведомленности невозможно духовная жизнь человека: неспособный узнавать об-
 ективно лучшее, объективно совершенное не будетъ ни жить имъ, ни возво-
 зможено его, ни осознать его. Какъ обстоитъ дѣло во всѣхъ сферахъ духа:

II

во знамен, во советных деланиях, во художествах и во ^{правде} ~~идеализме~~. Но особенно обстоит так — в религиозном опыте. Ибо, если со светскими сердцами, не узная Совершенного и не увидя Бога; не увидя, не уверует; не уверовав, не предастся и не приобретет религиозного опыта. Религия от духа: она является духовной очевидностью; и если люди ^{различают} ~~уверуют~~ этот дар, отвергнут его, осудят его и утратят его окончательно, то в их культуру упрет священная сердцевина, культура их перестанет быть духовной и прекратится, как культура, вообще. ~~Свраще~~ Кризис современной религии и религиозности есть прежде всего кризис духовной и религиозной очевидности; этот кризис был подготовлен ~~жизнью~~ средневековой эволюцией уже и восток и запад и развился во восемнадцатом и девятнадцатом веках.

4.

Было бы ^{даже} совершенно неверно представлять себе духовность и религиозность, как состояния чисто содержательные, а не деятельные. Это не сводится к пассивности, это Совершенство является предметом желаний, исканий, восприятия. Оно становится центром деятельной любви.

стремление совершенствоваться: видеть лучше, постигать больше, созерцать глуб-
 же, чувствовать тоньше, любить горячее, быть добрее, действовать внятнее,
 обходиться с людьми милее и справедливее, служить самоотверженно, су-
 дить праведно, творить все творчески ^{как можно} совершеннее. Это и немо-
 жно быть иначе: религиозность есть прежде всего живая и искренняя связь
к совершенству, а эта связь ^{неизменно} должна захватить все существо человека и
 привести в движение во все стороны его души; во сферы его деятель-
 ности. Настоящая религиозность оплодотворяет все духовные силы человека:
 и собственную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его на-
 восознания, и его национальное самосознание, и его патристическое чувство,
 и его социальное стремление. Глубокая религиозность пробуждает дух и
 приводит его в движение; пробужденный дух ищет совершенства и начи-
 нается культурное развитие религиозно-захватываемо народа. Это культурное раз-
 витие будет только богаче, только глубже, только интенсивнее, только больше
 религиозный опыт ^(народа) будет вверен своему духовному естеству, т.е. только
 утверждение оно ищет не силы, а совершенства, не власти, а любви,
 не пользы, а Бога. Ибо во последнем счете и во глубочайших корнях

вещей истинность и прочность теловыхских инстинктов зависят от их духовной зоркости.

~~Воспитание~~ ^{и есть возвращение} к мишному духу человека, надо признать, что его главное призвание и онтологическая способность состоит в самостроительстве и самоуправлении. Воспитывать человека значит приучать его к самостоятию и самоблагоданию во всех областях жизни. Человек способен тогда, когда он научился наблюдать, исследовать и мыслить; когда он приобрел способность ставить себя жизненные цели и удачно осуществлять их вчерашними средствами; когда он выработал себе характер, т. е. систему необходимых духовных актов: акт совести, акт мироощущения, акт волевого самоуправления, акт правосознания, акт дисциплины и др. Человеческий дух по своему существу своему есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания; совестная воля; субъект права; созерцающий художник; вращающее сердце; Божий слуга. В этом состоит всякая природа духовности, в этом призвание и достоинство человека. Рабовладение и в частности римское рабовладение ("servus est res") пыталось обойти этот закон Человеческого естества — и должно

ссылка
на закон
природы

7
ссылка

ссылка

было признать и исправить свою ошибку. Человек есть личность и призван утверждать и развивать в себе личное начало: т.е. стать во порядке мироздания духовно-избавляющим и избавляющим центром. Иными словами — свободным существом.

Дух человека свободен уже от природы; но свобода эта имеет еще в зачаточном виде. ^{свобода} ~~состоит~~ ^{состоит} советовать не во изъян от закона признанности, воздействия, влияния, насущности, влияния, истории и т.д., а во способности возобладать над ^{духом закона} ~~миром~~, овладеть им и подчинить его своим духовным целям. Это не есть свобода "индетерминизма", о которой люди мечтают только по недоразумению и которая оказалась бы грезившимся действием, одарив их ужасными дарами метафизического произвола, невоспитанности, непредусмотрительности, немыслимости, хаотической капризности и полной непригодности к участию в прекрасном космосе и во Царстве Божию. Духовная свобода обозначает не "индетерминизм", а власть над призывами, силу во детерминировании и способность добровольно и целенаправленно определять себя к пути Совершенства. Весь смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы свободно

7 абзац

воскресить Божественную и свободно определить себя к Его путям. Именно в этом состоит и сущность настоящей религиозности.

Дух есть дар предпочтения и самопредвзвешивания. Этот дар дан в зачатке каждому человеку. Он крепнет и разрастается ^{отъ пользования имъ}. Дар свободы растет в процессе самоосвобождения; он ^{становится} становится сущностью духовных искусств; он может привести человека к полноте свободы — в Боге.

Здравствуй

Настоящая религиозность состоит в свободном восхождении человека к Богу. Настоящее откровение состоит в том, что Бог зовет к себе человека — через полноту духовной свободы к полноте единения с Ним.

~~Важно~~ В этом ~~состоит~~ ~~духовная~~ ~~природа~~ духовная религиозность: она состоит в духовном самоосвобождении человека. Это самоосвобождение мыслится во всех великих религиях, как очищение. Именно поэтому проблема религиозная "Камагаса" ^{исходит из мира} ~~занимается~~ столь важная, имеет скажем центральное значение.

Такова в отчужденных сердцах природа духовной религиозности.

5.

Все это можно было бы свести къ крайнимъ формуламъ: религиозный опытъ рождается изъ свободной любви къ Сверхъчеловѣчеству; въ основѣ каждой духовной религии лежитъ благоговѣнiе передъ Свѣщеннымъ, живое чувство отвѣтственности и свободное прiятiе предметно-вѣрнаго храма. Съ этого все начинается. Это суть необходимыя условiя.

Но именно этихъ условiй не хватаетъ религозной критикѣ нашихъ дней.

Грозная бѣда постигла современное человечество: оно растеряло духовныя основы своего бытiя, замкнуло въ себѣ главную религiо-творческую силу духа — сердечное соприкосновенiе и растеряло свои святыни. Вслѣдствiе этого отмираетъ священная сердцевина его культуры; его жизнь становится безцвѣтной; его творчество утрачиваетъ свои высшiя цѣли; его блага становятся скудными и мѣлкими; его влеченiя — низменны, необузданны и злобны. И тогда, когда идетъ время, нѣтъ уже мощи становится слабымъ во добръ и сильнымъ во злѣ; и предель этого разложенья — еще не видно.

Это разложенье прекратится и этихъ предель установится, но не раньше, чѣмъ

II
 в сердцах возродится живое и глубокое чувство священного, а вслѣдъ за ними
 и другія условія истинной реальности. Въ душахъ изсякли благоватные истоски
 догосперуанія; мы должны вновь забыть клягаль. Современныя любви какъ бы востоп-
 ли для божіихъ мѣст, проживающихъ міръ; нѣтъ не божьими вновь прозрѣть.
 Отвлеченный разсудокъ, выдавая себя за "разумъ", востановъ противъ живой тайны бо-
 жіей; ему предстоитъ опомниться, смириться и преобразиться въ восторженный разумъ.
 Божіи мѣст охотъ засянуть словотку съ освидѣдство; но для этого ему предсто-
 итъ освидѣствоваться въ страданияхъ и униженіяхъ. Этотъ процессъ уже начался и со-
 вершается свое назначеніе.

Словотворство растеряло свои свѣтъны. Оно не можетъ и не перестаеи быть; оно
 непрестанно реально. Но словотворъ не видитъ ихъ, не испытываетъ ихъ, не трепе-
 щетъ и не ликуетъ въ духовнаго прикосновенія къ нимъ, не загорается, не беретъ
 за нихъ и не ищетъ ихъ осуществленія; въ немъ изсякла духовная любовь, т. е.
любовь къ Совершенству, а безъ этого невозможно живая реальность. Но, къ счастью,
 некая масса современнаго словотворства, — то не священно; а много священнаго
 она прохвѣтитъ — то равнодушно, то съ конзумирующей насильственностью на успехъ.
 И судьба ея въ томъ, что тѣ, кто сегодня равнодушны, завтра будутъ конзуми-

Миссис

ствовать и участвовать в возмущающих безбожиих...

Во горниль мамъ все реально попретиаму. Святъ и живень Господь - и в небесахъ, и во Святъ своемъ, и во вѣнчѣи своею Духа, и во таинствѣхъ Благваши, и во тайнахъ созданнаго міра. Прпретиаму все сущее насыщено свѣтлостью эка-гителюностью. Прпретиаму славитъ Творца - и величїе горъ, и вволнованное море; и мертвыи кристалъ, и тайна живого организма; и безлибность зворвало именьника, и благовождїю вопрошающа мвѣи; и нѣжныи птицѣ, и закатныи луи, и можда пишии, и звордыи хоры. Прпретиаму мамъ ваетъ гораво бастѣ, тѣмъ мы учитель вѣитъ, и прощаетъ гораво бастѣ, тѣмъ мы этого стѣи.

Но съ катдыи поколѣи стаетъ все больше и больше людей, которые не живутъ во горниль мамъ, не видятъ ея, не знаютъ о мамъ и не знаютъ воще, что ея есть. Миръ, который они видятъ, кажется имъ вѣщественнымъ и смутнымъ; мвѣи, который они накатываютъ о мамъ, оказывается плоскимъ и мертвымъ; цѣи, который они себѣ ставятъ, оказывается жаднымъ и короткимъ. И все жито ихъ стаетъ безблавною, безвѣиною и безкрысою; а сами они остаются ираищамъ собственнымъ стра-

и нужных видений, приказов и угроз. Они лишены хребта, но споспешны к зна-
ному напору. И если страх еще сдерживает их, то идея давно уже не ведет
их. Они правят не духом, а волевыми. И каждый из них ищет "сущест-
вование", но редко кто из них прикасается благодатному бытию и встречающей,
богостраивающей, священной силе. Поэтому лишь не по силам своим разрыв-
даемых страстей, прикрытых безбожием. У них священных начал, которых
они могли бы противопоставить воинствующему материализму.

Священное открывается только духовному око и приоткрывается ску-
сердцу. Оно не открывается ни телесным ощущениям, ни понимающему раз-
судку, ни играющему или построжающему воображению, ни логическим, хотя бы
и истинным во своим упрямством воле. Поэтому тот, кто лишен духовного
ока, у кого сердце заперто, не знает ничего священного и ничего не может
возвратить материализму. Практический материализм, с плоскими миссиями, ласками
чувств и короткими, жадными чуждыми, беснётся в столкновении с теорети-
ческим материализмом, который утверждает, что никакого и надо бытия,
не существует... Богонеприимная душа безбожника перестанет существовать; она
бессильна в борьбе с дьяволом, ибо дьявол есть вечный "идеал"

Гоголь

Хит. 100
Мир

иного видимость отвергнутых и заброшенных или святых, — оно гротески и кощунственно засматривалось.

Вместо съ Волтерамъ и встало за Волтерамъ европейское человечество высматривало и просматривало свои святых. Вместо съ Байрономъ оно увлеклось демонизмомъ. Вместо съ Ницше оно выговорило свой нигилизмъ и даже антихристианство. Имъ былъ окончательно подготовленъ религиозный кризисъ нашей и сиюдействующей за нами Эпохи.

Началась съ раздумной наивности. Она слепая, самовольная и лжесмысленная крошечка выдавала себя и наивно принималась за проявление „свѣта“, за высокую зрелость. Бездуховный, реально безпомощный и безпризорный ~~пот~~ европеецъ сталъ называться „esprit fort“ (сильный духъ). На самомъ дѣлѣ эта крошечка закрѣпилась въ ^{душе} ~~душе~~ слепоту и религиозную немощь. Это былъ не только отказъ отъ свѣщеннаго; это былъ отказъ отъ серьезнаго и благоговѣйнаго подхода къ свѣденному. Она крошечка не только отверзала религиозный кровавый у человека, но какъ бы принимала утѣшительный лѣста своимъ подкинутымъ ядомъ, — чтобы кровавый и впредь не могъ вырасти. Она опустошала душу и показывала опустошенную душу якобы пустой миръ. И, сидѣвъ за нею, человека привыкали

Миллеръ
„Пенки“
Ничего не найдено

Солнце не померкло въ небесахъ. Но ослѣпленіе глаза перестали его видѣть и утратили его образъ. Душа повторила, что Солнца нѣтъ; и погрузилась въ внутренній мракъ. Человѣкъ ослѣпилъ свою духовность и развѣсилъ этиаъ свой религіозный органъ. Ему остались только лишь суррогаты религіозности, которые имѣютъ нѣкоторое „научкообразіе“ (напр. астрологія, антропософія, такъ наз. „христіанская наука“); съ отпаденіемъ ихъ — ему останется лишь приманка и носитель — добавочная безрелигіозность. Тотъ сокровище челоѣка, тамъ и сердце его (Матт. 6. 21); именно поэтому чѣлѣкоѣ опредѣляется чѣлѣкоѣго его сокровища. Ноги, какъ выдыхаетъ о чѣлѣкоѣ, тамъ самъ чѣлѣкоѣ; некро-нящийся пустому чѣлѣтъ пустую душу. И вотъ отпаденіе духа въ-ласть челоѣка чѣлѣкоѣ и пустыннѣ. Человѣкъ, лишенный духовности,

II

не найдешь дороги к Богу; ибо дух и притом именно духовность сердца есть главный путь, ведущий к настоящему религиозному опыту.

Вот почему надо признать, что религиозный опыт строится через субъективную, личную культуру духовности.